

УДК 37-054./7«19/20»

В. М. Острога

Белорусский государственный технологический университет

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ УЧИТЕЛЕЙ
СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ БЕЛАРУСИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

В статье рассматриваются условия и особенности педагогической деятельности и повседневной жизни учителей средних учебных заведений Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Подчеркивается, что существовавшие инспекции и контроль над педагогической деятельностью со стороны правительственных органов и учебного начальства во многом регламентировали и загоняли в жесткие правовые рамки не только образовательную и воспитательную деятельность педагога, но и помогали проверять организацию их свободного времени, увлечения, круг друзей и т. д. Поэтому автор уделяет внимание режиму работы учителей и условиям труда и быта, основным формам досуга, а также месту педагогов средней школы в городском обществе.

Ключевые слова: педагогическая интеллигенция, среднее учебное заведение, учебно-воспитательный процесс, повседневная жизнь, бытовые условия, формы досуга.

V. M. Ostroga

Belarusian State Technological University

**DAILY LIFE OF TEACHERS OF SECONDARY SCHOOLS BELARUS
IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURY**

The article deals with the conditions and peculiarities of pedagogical activity and everyday life of teachers of secondary schools of Belarus in the second half of the XIX – early XX century. It is emphasized that the existing inspections and control over pedagogical activity by government bodies and educational authorities largely regulated and drove into the strict legal framework not only the educational and upbringing activities of the teacher, but helped to check the organization of their free time, hobbies, the circle of friends etc. Therefore, the author pays attention to the mode of work of teachers and conditions of work and life, the main forms of leisure, as well as the place of teachers of secondary schools in urban society.

Key words: educational intelligentsia, secondary educational institution, educational process, everyday life, everyday conditions, leisure activities.

Введение. История Беларуси конца XIX – начала XX в. свидетельствует о возрастании роли и значимости интеллигенции в жизни общества. Значительную часть в социальной структуре общества занимала педагогическая интеллигенция. Профессиональная деятельность учителя часто осознавалась современниками как одна из форм общественного служения. Состоящими на государственной службе считались все штатные преподаватели гимназий и прогимназий. Такое положение в обществе возлагало на них дополнительную ответственность за поведение, нравственность и даже образ мыслей. От учителей ожидалась безупречность не только в служебной деятельности, но и в частной жизни. Вместе с тем состояние сохранившихся исторических источников и имеющаяся историография не позволяет с достаточной полнотой охарактеризовать повседневную жизнь учителей и условия их труда, поэтому в определенной степени раскрыты данный вопрос помогли косвенные данные: отчеты о состоянии гимназий, исторические записки, воспоминания учителей и др.

Основная часть. В рассматриваемый период профессия учителя становится массовой, значительно возрастает общественная значимость педагогического труда. Но, несмотря на достаточно высокий уровень доходов и степень материальной обеспеченности, которые автор анализировала в предыдущих публикациях, учителя гимназии не пользовались должным престижем и уважением не только со стороны лиц, имеющих высшее и среднее образование, но и значительной части тогдашнего общества. Это четко демонстрируют условия и особенности педагогической деятельности, а также сама повседневная жизнь учителей.

В этой связи определенный интерес вызывает режим дня педагога. Занятия в средних учебных заведениях начинались, как обычно, в 8.30–9.00. За несколько минут до звонка весь педагогический коллектив и ученики собирались в актовом зале на общую утреннюю молитву, после которой все расходились по классам. Один урок длился около часа с перерывами в 10–15 минут. Рабочая неделя состояла

из 6 дней (за год примерно 180), выходными были воскресенье и праздники. Средняя рабочая нагрузка на каждого учителя по гимназическому уставу 1871 г. составляла 12 часов. Исходя из нее начислялось и жалование. Но, несомненно, учителя работали значительно больше, преподавая по 20–25 уроков в неделю, особенно если ощущался дефицит педагогических кадров или открывались новые параллели. В крупных губернских городах, как правило, учителя преподавали в нескольких учебных заведениях. Отдохнуть от напряженной работы в течение рабочего дня можно было в учительской комнате. Там педагоги беседовали, пили чай, курили. Наблюдение за детьми и их поведением во время перемен осуществляли инспектор, особые надзиратели, а также помощники классных наставников в мужских гимназиях и классные дамы в женских. Они также организовывали работу в классе, если по каким-то причинам отсутствовал учитель-предметник. Например, в Мстиславской мужской гимназии за 1915 г. все преподаватели пропустили 68 уроков, основными причинами чего стала болезнь или исполнение обязанностей присяжных заседателей в суде. Директор отмечал, что «вообще преподаватели к посещению уроков относились аккуратно» [1, л. 4].

Два раза в месяц во второй половине дня учителя собирались на педагогические советы, на которых обсуждались различные вопросы организации учебно-воспитательной работы. Тем педагогам, кто одновременно работал в нескольких учебных заведениях города, приходилось посещать и несколько советов. Большинство из них относились к присутствию на таких заседаниях «как к рутинной и скучной обязанности». Сохранившиеся в архивах протоколы содержат большой объем информации, из чего можно сделать вывод о кропотливости и тщательности обсуждения каждого вопроса учебно-воспитательной работы, а также о длительности такого мероприятия.

Инспектор и учителя обязаны были также осуществлять после работы внеклассный надзор за поведением учеников вне школы (проверка ученических квартир, дежурство на оживленных улицах, в парках, около театров, биллиардных, ресторанов, в кофейнях и т. д.). Такая работа часто выполнялась в позднее вечернее время. На вторую половину дня, а порой даже на воскресные и праздничные дни, приходился труд по проверке ученических тетрадей, который считался необходимым, но «исключительно монотонным и утомительным», требующим больших затрат времени и сил. Предстояло уделить должное внимание подготовке к занятиям на завтра. На все это ежедневно уходило по 3–4 часа.

В гимназиях и реальных училищах число учащихся в классе должно было быть не более 40 человек. Но и эта цифра считалась самими педагогами очень высокой. Большой численный состав классов не давал возможности учесть индивидуальные способности и интересы ребенка, охватить вниманием каждого, контролировать степень подготовки к занятиям и уровень усвоения материала, а также, что очень важно, поддерживать дисциплину и должную тишину, особенно в младших классах. Что касается Виленского учебного округа, то в основном число учащихся в классах соответствовало министерским нормам, хотя практически все учителя классы считали «невозможно переполненными», особенно начальные, жаловались на то, что очень долго не могут даже запомнить фамилии учащихся. Например, в Витебской мужской гимназии в 1884/1885 учебном году во всех классах обучалось 397 учеников: в przygotowительном – 60, в первом обоих отделений – 82, во втором обоих отделений – 65, в третьем обоих отделений – 71, в четвертом обоих отделений – 45, в пятом классе – 20, в шестом – 18, в седьмом – 18 и в восьмом – 18 [2, с. 17]. Проблема переполненности классов в средних учебных заведениях особенно обнажилась в годы Первой мировой войны, когда значительная часть учебных заведений запада Беларуси была эвакуирована вглубь страны. В данной ситуации численный рост гимназий и реальных училищ замедлялся, а имеющиеся работали в две смены.

В XIX в. здания, в которых размещались средние учебные заведения, нельзя было назвать удовлетворительными. Так же можно было охарактеризовать и состояние рабочего места учителя. Например, в 1867 г. для Гомельской прогимназии был нанят дом, «теплый и сухой, но оказался тесным и непригодным к потребностям учебного заведения. Классные комнаты были малы: в наибольшей с трудом могло поместиться 45 человек. Потолки в классах невысокие и сделаны сводами; окна средней величины. От этого воздух был спертым, и света было мало» [3, с. 26]. Многое «требовало ремонта и основательного исправления» в Слуцкой гимназии, где «печи не вытягивали вовсе из классов дурного воздуха. От этого происходили невыносимый жар и духота в классах и постоянные головные боли у учеников и учителей. На уроках... сидели бледными до мертвенности и беспокойно-тоскливыми» [4, с. 121]. В подавляющем большинстве отчетов по отношению к школьным помещениям отмечалось нарушение правил гигиены как по кубическому содержанию воздуха, так и по количеству света. Несколько улучшилась ситуация

в начале XX в. Параллельно, с указанием на недостатки в существующих учебных помещениях, все чаще встречаются и такие характеристики: «вообще здание гимназии обширно и достаточно благоустроено» (Витебск), «здание... снабжено вытяжной принудительной вентиляцией. Водоснабжение гимназии производится посредством водопровода» (Гомель), «построено на специальные средства гимназии каменное одноэтажное здание для гимнастики» (Бобруйск) и др. [5].

Со временем улучшалась также и методическая обеспеченность учительского труда. В середине XIX в. не хватало необходимых учебников и пособий. Так, в Могилевской гимназии ученическая библиотека была основана в 1857–1958 годах на добровольные взносы учеников. До конца 1880-х она не имела ни отдельного помещения, ни шкафов, ни составленных каталогов. И в таких условиях учителю приходилось работать и выполнять установленную программу [6, с. 100]. По данным отчета за 1913 г. в фундаментальных библиотеках «всех правительственных гимназий округа книг, периодических изданий и брошюр состояло в наличности 65204 названия в 150831 томе, в ученических – 42099 названий в 60298 томах». По сравнению с предыдущим годом число названий книг и томов увеличилось в среднем на 4 и 6% соответственно.

Если рассматривать конкретно по учебным заведениям, то, например, Быховская фундаментальная библиотека состояла из 24 названий книг в 99 томах и ученическая библиотека из 215 названий в 240 томах; в Витебской частной гимназии И. Р. Неруша в фундаментальной – 1700 томов, в ученической 947 названий книг в 1289 томах, в Минской частной гимназии С. П. Зубакина и К. О. Фальковича в фундаментальной – 184 тома, в ученической – 2093 тома. Руководство сделало вывод, что библиотеки округа «по количеству и разнообразию находящихся в них книг удовлетворяют в достаточной степени потребностям средних учебных заведений» [7]. В этой связи следует отметить, что книга для учителя являлась не только источником нового знания, но и главной для человека данной профессии формой досуга. В начале XX в. в Беларуси начали открываться учительские библиотеки с целью дать «возможность пополнить свое образование и тем содействовать успешному ходу классовых учебных занятий и более продуктивной работе школы». В 1904 г. такой вопрос обсуждался на заседании Городской думы Витебска, которая приняла решение ассигновать «посильное пособие на первоначальное устройство... и на ежегодное пополнение библиотеки книгами» [8, л. 3–4].

Вызывают также интерес и жилищные условия педагогов. Согласно существующим нормам и правилам, при наличии свободных помещений в школе их могли предоставить в качестве квартир учителям. Иногда это делалось бесплатно, если служащему в учебном заведении полагалась квартира по штатному расписанию. Право на получение квартир (квартирных денег) имели директора, инспектора, письмоводители, бухгалтера и помощники классовых наставников. Учителя гимназий не могли пользоваться квартирными деньгами или пособиями на наем квартир. Все выдачи таких пособий осуществлялись по распоряжению Попечителя Виленского учебного округа в таких случаях, как перемещение из одной должности в другую, из-за болезни, пожара и по другим уважительным причинам. Серьезным основанием для выделения квартирных денег служащим Минской мужской гимназии в сумме 300 руб. явились обстоятельства военного времени и вынужденная эвакуация [9, л. 6, 63]. Если гимназия располагала средствами, то она могла оплатить жилье для педагога.

Вместе с тем жилищные условия большинства учителей средних школ были хорошие. Например, считалось, что в 3–4-комнатных квартирах семейные педагоги не жили, а «ютились». Что же касалось холостых, то они имели, как правило, 2-комнатные квартиры [10, с. 187]. Достаточная и даже излишняя жилплощадь позволяла многим из них за определенную плату «содержать учеников-пансионеров», что разрешалось уставами самих средних учебных заведений.

Быт и условия жизни учителей гимназий и реальных училищ соответствовали примерно сложившимся стандартам в средних слоях городского населения. Скажем, домашняя работа (уборка квартиры, стирка одежды, приготовление пищи) выполнялась прислугой. В бюджетах женатых учителей значились расходы на кухарку, горничную, а если учитель имел детей, то и на няню. И это было своего рода нормой. Всеобщее осуждение и непонимание со стороны интеллигентного общества заслуживал отказ учителя, даже по причине дефицита семейного бюджета, от прислуги. Считалось очень зазорным, если жена «учащего» стирает белье, а он сам «выносит во двор помои». Так, учитель А. Б. Петрищев в своих «Заметках» отмечал, что «положение же обязывает меня держать прислугу... Я должен быть на службе в чистом крахмальном белье, в форменном костюме известного достоинства, иметь обувь и верхнее платье не ниже определенной свежести. И мы покорно тратим на прачку, на форму и на все прочее почти пятую часть заработка.

Бывая в церкви, я не могу положить в тарелку менее гривенника; говея, я не могу дать священнику за исповедь меньше двух рублей; сто-рожу, когда он меня поздравляет, я должен дать по крайней мере, полтинник, и проч., и проч. И по обязанности службы, и по долгу положения, даю, даю, даю. Этим я покупаю то внешнее и условное уважение к моей особе, отсутствие которого делало бы мне еще большее, чем теперь». Далее он продолжает: «Я люблю скрипку, но избегаю играть, чтоб не напомнить жене, что у нас нет рояля: она любит этот инструмент и когда-то хорошо на нем играла. ...В обществе мы почти не бываем: она – потому, что нет «выходных» костюмов, я потому, что здесь без жены бывать не принято. Да и бывать – значит приглашать к себе, а такой роскоши мы позволить не можем» [11, с. 195–196].

Большая педагогическая нагрузка приводила к тому, что возможности для дружеского общения с коллегами становились резко ограниченными. Педагогические корпорации были достаточно замкнуты: учителя, как правило, не смешивались с обществом других чиновников и служащих города. В свободное время практиковались так называемые собрания учителей «за чашкой чаю», которые проводились поочередно в квартирах их участников. Принципиальным было приглашение на такие «пирушки» директора гимназии и инспектора. Игнорирование и «манкировка» со стороны учителей таких вечеринок осуждались всем коллективом, несмотря на то, что у многих учителей на дороге «приемы» просто не было денег. Осуждались также те педагоги, которые играли в карты, бильярд, злоупотребляли алкоголем, особенно если это впоследствии сказывалось негативным образом на течение учебного процесса. Что же касается общественной деятельности, то ей учителя практически не занимались. Всякая подобная активность вызывала подозрения со стороны учебного начальства или прямые препятствия.

Резко ухудшаются материальное положение и условия труда народных учителей в годы Первой мировой войны, когда на фоне всей дестабилизации ситуации в стране сильно выросли цены на самые необходимые товары. Так, директор Полоцкой мужской гимназии просил военные власти «выдать из склада... для служащих гимназии (18 лиц персонала, многие с семейством) муки пшеничной, муки ржаной, крупы гречневой, постного масла, сахару и прочих продуктов, какие только имеются в складе и в каком количестве возможно». «О приобретении одежды не приходится и думать, т. к. на костюм, который в мирное время стоил 25–30 руб., в настоящее время необходимо затратить 250–300 руб., а необходимость в одежде для меня и семьи ощущается как в насущном» [12, л. 26, 11].

Заключение. Таким образом, учителя, которые являлись центральным звеном школьного образования, в своем подавляющем большинстве серьезно и ответственно относились к своим функциональным обязанностям, несли светоч знания в широкие народные массы. Стремление к контролю над учебной деятельностью и частной жизнью педагогов, даже вне стен гимназий и реальных училищ, свидетельствовало о той ответственности, которую возлагали министерские чиновники на всю систему народного образования. Учителя средних учебных заведений, находясь на государственной службе, относились к среднему чиновничеству и пользовались всеми принадлежащими им правами и привилегиями. Значительно лучше, по сравнению с учителями начальных сельских школ и городских училищ, они были обеспечены в материальном плане, качественно отличались их условия жизни и труда. Вместе с тем учителя средних школ не оказывали существенного влияния на свое социальное окружение, как правило, незаметно растворяясь в городской среде и замыкаясь в себе или в существующих педагогических группах и корпорациях.

Литература

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ), Минск. Ф. 2416. Оп. 1. Д. 15.
2. Отчет о состоянии Витебской гимназии за 1884–85 учебный год. Витебск: Типо-литография Г. А. Молкина, 1886. 62 с.
3. Историческая записка о Гомельской шестиклассной прогимназии и отчет за 1885/6 учебный год / сост. И. П. Максимов. Гомель: Тип. Ш. А. Фридланда, 1886. 60 с.
4. Глебов И. А. Историческая записка о Слуцкой гимназии с 1617–1680–1901 гг. Вильно: Тип. А. Г. Сыркина, 1903. 217 с.
5. Отчет о состоянии учебных заведений и учреждений Виленского учебного округа. Вильно: Тип. А. Г. Сыркина, 1915. Разд. пач.
6. Созонов М. П. Историческая записка Могилевской мужской гимназии, 1809–1909. Могилев: Губернская тип., 1909. 213 с. С. 100.
7. Отчет о состоянии учебных заведений и учреждений Виленского учебного округа. Вильно: Тип. А. Г. Сыркина, 1915. Разд. пач.

8. НИАБ. Ф. 2496. Оп. 1. Д. 1676.
9. НИАБ. Ф. 466. Оп. 1. Д. 374.
10. Бюджет служащих в мужских гимназиях и реальных училищах по данным анкеты Прогрессивной группы // Русская школа. 1910. № 7/8. С. 182–194.
11. Петрищев А. Б. Заметки учителя. СПб.: Знание, 1905. 411 с.
12. НИАБ. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 64.

References

1. National historical Archive of Belarus (NHAB), Minsk. Fund 2416. I. 1. F. 15. *Otchet o sostoyanii Mstislavskoy muzhskoy gimnazii za 1915 g.* [Report on the state of the Mstislavsky Men's Gymnasium for 1915 g.].
2. *Otchet o sostoyanii Vitebskoy gimnazii za 1884–85 uchebnyy god* [Report on the state of Vitebsk gymnasium for the 1884–85 school year]. Vitebsk, Tipografiya G. A. Molkina Publ., 1886. 62 p.
3. *Istoricheskaya zapiska o Gomel'skoy shestiklassnoy progimnazii i otchet za 1885/6 uchebnyy god* [Historical note on the Gomel Six-Class Progymnasium and the report for the 1885/6 academic year]. Sost. I. P. Maksimov. Gomel, Tip. Sh. A. Fridlanda Publ., 1886, 60 p.
4. Glebov I. A. *Istoricheskaya zapiska o Slutskoy gimnazii s 1617–1680–1901 gg.* [Historical note on the Slutsk gymnasium from 1617–1680–1901]. Wilno, tip. A. G. Syrkina Publ., 1903. 217 p.
5. *Otchet o sostoyanii c zavedeniy i uchrezhdeniy Vilenskogo uchebnogo okruga* [Report on the state of educational institutions and institutions of the Vilnius educational district]. Wilno, Tip. A. G. Syrkina Publ., 1903. Razd. pach.
6. Sozonov M. P. *Istoricheskaya zapiska Mogilevskoy muzhskoy gimnazii, 1809–1909* [Historical note of the Mogilev Men's Gymnasium, 1809–1909]. Mogilev, Gubernskaya tip. Publ., 1909. 213 p. P. 100.
7. *Otchet o sostoyanii uchebnykh zavedeniy i uchrezhdeniy Vilenskogo uchebnogo okruga* [Report on the state of educational institutions and institutions of the Vilnius educational district]. Wilno, Tip. A. G. Syrkina Publ., 1903. Razd. pach.
8. NHAB. Fund 2496. I. 1. F. 1676. *Po otnosheniyu Direktsii narodnykh uchilisch ob otpuske gorodskogo posobiya na otkrytiye tsentral'noy uchitel'skoy biblioteki* [In relation to the Directorate of People's Colleges of National Schools on the leave of the city allowance for the opening of the central teacher's library].
9. NHAB. Fund 466. I. 1. F. 374. *O vydache sluzhashchim gimnazii sutochnykh i kvartirnykh deneg po voennym obstayatel'stvam* [On the issuance of daily and apartment money for the employees of the gymnasium for military reasons].
10. The budget of employees in men's gymnasiums and real schools according to the questionnaire of the Progressive Group. *Russkaya shkola* [Russian school], 1910, no. 7/8, pp. 182–194 (In Russian).
11. Petrishchev A. B. *Zametki uchitelya* [Teacher's Notes]. St. Petersburg, Znaniye Publ., 1905. 411 p.
12. NHAB. Fund 2608. I. 1. F. 64. *Perepiska s Popечителем Vilenskogo uchebnogo okruga* [Correspondence with the Trustee of the Vilnius Academic District].

Информация об авторе

Острога Валентина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: ostroha@belstu.by

Information about the author

Ostroga Valentina Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroha@belstu.by

Поступила 01.09.2017